

Брюс А. Литтл

**ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
В США**

Перевод с английского
Елены Воронцовой

Симферополь
1997

Bruce A. Little. Higher Education In America

© Bruce A. Little, 1997

© Крымско-Американский колледж (перевод), 1997

Все права сохранены

Брюс Литтл — профессор философии и богословия Пидмонт Байбл Колледж, Уинстон Сейлем, Северная Каролина, США. Ведет практическую и преподавательскую работу в области душепопечительства (психотерапии). Его имя внесено в справочник *Кто есть кто в американских университетах*, а также в списки членов почетных обществ *Дельта Эпсилон Хи* (1980 — 1981) и *Альфа Гамма Эпсилон* (1979 — 1980). Лауреат Гиффорд Мемориал Сколаршип (1979 — 1980). Публикации в научных журналах *Evangelical Philosophical Society* (1985) и *Ethics and Medicine* (1996). Член *Евангельского философского общества* и *Американской ассоциации христианских душепопечителей (психотерапевтов)*.

Вопросы автору можно задать по адресу:

Dr. Bruce Little
Piedmont Bible College
116 Franclin 57
Winston — Salem, NC 27101

Лекция 1

Общие изменения в высшем образовании

Высшее образование, т.е. образование, получаемое после средней школы, в Америке различается по двум признакам — сферам обучения, и степеням, предлагаемым учебными заведениями. У нас есть техникумы, институты, колледжи, университеты и медицинские колледжи. В каждой категории имеются как общественные (государственные), так и частные учебные заведения. Частным учебным заведением управляет группа отдельных граждан или религиозная деноминация, в то время как общественным образовательным учреждением руководит правительство штата. Частные школы финансируются, в дополнение к оплате, вносимой за обучение каждым студентом, пожертвованиями отдельных граждан, корпорациями или учреждениями. Общественные школы поддерживаются денежными фондами, собранными в форме налогов, и — также оплатой за обучение каждого студента. Частные высшие учебные учреждения подразделяются на две категории: религиозные и нерелигиозные школы. По окончании высшего учебного заведения выдаются сертификаты, присваиваются двухгодичные степени, профессиональные степени, степени магистра и докторские степени.

С точки зрения действия и контроля, политика образования в Америке регулируется каждым штатом; частные учебные учреждения обладают свободой определять правила и организацию по своему усмотрению. Если какое-либо высшее учебное заведение, управляемое частным образом, стремится к государственному признанию, оно должно подчиниться определенным критериям, относительно финансовых вопросов, количества книг в библиотеке и объема предметов, выносимых на преподавание в учебном плане. Именно штат, а не федеральное правительство, устанавливает стандарты оплаты за обучение и учебного плана. И хотя с 1954 года федеральное правительство все чаще вовлекалось в образование, в основном это было вмешательство в отношении обеспечения студентов федеральных фондов в форме кредитов и займов, как помощь в оплате за стоимость высшего образования. К тому же ограниченные фонды федерального правительства могли поступать прямо в колледжи и университеты на особые программы (правда, они не составляли более 10 процентов от общего образовательного бюджета). Однако федеральное правительство могло распространять какое-то влияние на образование благодаря натягиванию определенных нитей, тянущихся к этим деньгам. Чтобы колледжи и университеты получили право на допуск к федеральным деньгам, они должны подчиняться определенным требованиям, имеющих

отношение к гражданским правам и равенству полов. И если университет не демонстрирует политику допуска для сдачи и приема экзаменов, которые следуют за определенными указаниями федеральных гражданских прав, тогда федеральное правительство может отобрать свои фонды у этого заведения до момента их согласия. То есть, учебное заведение в любом случае не может допускать различий по расовым, половым и религиозным признакам, в любом из пунктов устава, включая допуск в учебное заведение. Правда, федеральное правительство не имеет полномочий в составлении расписания. Но частные колледжи и университеты должны уступать требованиям Федерального правительства, если они хотят получить от него деньги, является ли это прямым поступлением в учебное заведение или выплаты студентам в форме финансовой помощи.

Вся образовательная система в Америке формируется снизу вверх, а не сверху вниз. Таким образом, каждый штат обладает властью над своей образовательной системой и определяет учебные и финансовые требования к своим собственным школам. Правда, существует агентство по образованию, известное как аккредитационное агентство, санкционированное федеральным правительством. Все общественные высшие школы должны подчиняться требованиям этого агентства, прежде чем они предложат определенную программу на получение степени. От частных университетов и колледжей не требуется подчиняться правилам этого агентства, но те, которые следуют им, приобретают определенные академические и финансовые стандарты, которых следует придерживаться, чтобы это учебное заведение было аккредитовано агентством. Преимущество состоит в том, что студенты могут переезжать из одного колледжа (частный или общественный) в другой аккредитованный колледж, даже если он находится в другом штате. Если оба учебных заведения принадлежат аккредитованной организации, тогда академические кредиты студента будут переведены в другое учебное заведение. Даже школы, не принадлежащие подобным аккредитованным организациям, чаще всего сами устанавливают требования о соблюдении минимальных стандартов.

Однако предшествующее образование студента оказывает огромное влияние на высшее образование. Поэтому, чтобы лучше разобраться в высшем образовании, не бесполезно будет получить какую-то информацию о начальном и среднем образовании в Америке. Начальное и среднее образование является обязательным двенадцатилетним. Хотя подобные правила устанавливаются каждым штатом, каждый штат сам определяет возрастную категорию, но большинство штатов видят необходимость обучения детей в возрасте 6-16 лет в утвержденной штатом школе. Это включает как домашнее обучение или частную школу, так и общественную школу.

Несмотря на то, что определенные формы начального и среднего образования в Америке меняется, все же большинство студентов посещают то, что мы называем общественной образовательной системой, находящейся под управлением местных и государственных органов. Однако из-за растущей озабоченности качеством начального и среднего образования начался рост частных школ, а равно возрос и интерес к домашнему обучению. Частные и домашние школы лишь незначительно управляются руководством штата. Некоторые из требований, которые должны соблюдаться, включают количество дней, проведенных ребенком в школе, и необходимые требования по ведению журнала. Большинство частных школ управляется церквями или религиозными организациями и предлагает полное двенадцатигодичное образование. Другие частные школы управляются советом попечителей или директоров. Родители, определившие своих детей в частные школы, должны внести плату за обучение, составляющую несколько тысяч долларов в год. Эту сумму они вносят в дополнение к тем налогам, которые они оплачивают для поддержания общественной школьной системы. Для принесения подобной жертвы у родителей есть, по крайней мере, две причины. Первой причиной является их уверенность в том, что общественная система образования просто не способна дать основательное образование их детям. Второй причиной явилось стремление родителей дать своим детям именно христианское образование, и их желание обучать своих детей в атмосфере христианских ценностей и дисциплины.

Другой альтернативой на уровне начального и среднего образования стало домашнее обучение. Число родителей, выбирающих обучение своих детей на дому, растет. И хотя не все штаты благосклонно относятся к подобной практике, во всех пятидесяти штатах Америки (в той или иной степени) родители не встречают запретов обучать своих детей дома. Порядки, принятые при домашнем обучении, могут варьироваться от штата к штату, но многие люди, обучающиеся на дому, принадлежат к ассоциациям, наблюдающим и проводящим тестирование обучающихся дома. Между тем, Федеральное правительство пытается улучшить качество общественных заведений через различные программы на уровне начального и среднего образования, большинство из которых до этого момента не пользовались особым успехом. В результате, движение за домашнее обучение с огромной скоростью охватывает все большее число людей в большинстве штатов.

Теперь можно понять, почему начальное и среднее образование имеет такое большое влияние на высшее образование. Если студенты приходят в колледжи и университеты неподготовленными к выполнению программы, предусмотренной высшим учебным заведением, тогда этот колледж и университет должны найти способ, чтобы восполнить недос-

таток подготовки. Одним таким путем являются так называемые дополнительные занятия. На этих занятиях студент не получает академического зачета. Целью их является восполнение пробелов в образовании студента. Например, многие студенты поступают в высшие заведения, не обладая необходимыми навыками в английской грамматике и письме. Поэтому были созданы дополнительные занятия по английскому языку и написанию сочинений с целью довести знания студента в этой области до требуемого высшего уровня. Другой областью, которая требует либо необходимости таких занятий, либо частного обучения, является математика. Хотя эта попытка и достойна похвалы, признано, что повсеместно стандарты в образовании на высшем уровне были занижены из-за плохой академической успеваемости на начальном и среднем уровне.

Высшие учебные заведения предлагают различные уровни высшего образования, начиная с одногодичной программы, по окончании которой студент получает сертификат. В Соединенных Штатах есть колледжи, которые мы называем местными колледжами (community college), предлагающие двух- или трехгодичные степени. Двухгодичная степень известна как степень Академии Искусств (AA) и может служить для студента начальной ступенькой для продолжения его образования в четырехгодичном колледже, хотя многие студенты больше не продолжают своего образования, имея степень AA. Причина этому проста: поскольку двухгодичная степень приобретается в некоторых технологических областях, таких как медицинское ассистирование, инженерное искусство или сельское хозяйство, то двухгодичного образования достаточно, чтобы устроиться на работу. Трехгодичная степень в местном колледже обычно включает в себя степень в медицинской области, например регистрирующая медицинская сестра (RN). Четырехгодичные колледжи предлагают степени бакалавров (BA — бакалавр искусств или BS — бакалавр наук) в ряде разных областей. Статистика сообщает: “Из 1165000 дипломов бакалавров присужденных в 1992-93 гг., наибольшее число степеней было присвоено в сфере делового управления и административных служб (257000), социальных наук (136000), и образования (108000)” (1995 Digest of Education Statistics, 3). Степень бакалавра присваивается через четыре года, из которых два года затрачиваются на получение образования в искусствах (т.е. прикладных навыках) и науках, и затем последние два года студент посвящает изучению основных предметов специализации.

После получения степени бакалавра студент может подать заявление на работу в выпускную школу (аспирантуру), где его занятия станут более специализированными. Чтобы быть допущенным в программу для получения диплома магистра, нужно пройти через большую конкуренцию, чем это было для получения диплома бакалавра. Для получения

степени магистра нужно учиться два-три года. Чаще всего это включает написание основной исследовательской работы, известной как диплом, являющийся конечным требованием для выпуска. Согласно последним имеющимся данным, “На уровне степени магистра самими крупными областями являлись образование (96000) и деловое управление и административные службы (90000)” (1995 Digest of Education Statistics, 3,4). По получении степени магистра студент может заняться докторской программой. Как этого и следует ожидать, поскольку это является высшей степенью, предлагаемой любым университетом, только самые лучшие студенты могут быть допущены к этой программе. Период от трех до семи лет — это тот промежуток времени, который необходим для завершения докторской программы. Требования, предъявляемые для завершения этой степени, могут быть очень разнообразными, в зависимости от того, какую область изучения вы выбрали для получения степени. Данные статистики за 1992-3 по выпускникам с докторскими степенями следующие: “Самими крупными областями на уровне докторской степени являлись образование (7000), инженерное искусство и техника (6000), биологические науки (4000), и физические науки (4000)” (1995 Digest of Education Statistics, 4). Докторская степень завершается написанием и защитой диссертации.

Поскольку многие сферы занятости подчеркивают необходимость образования, все большее число людей в Соединенных Штатах поступают в высшие учебные заведения и заканчивают, по меньшей мере, четырехгодичное образование. Из сообщений следует, что все большее число людей в Соединенных Штатах заканчивают колледжи. “За период 1994-95 гг. академический год 10246 учебных заведений предложили высшее образование. Это включало 2215 четырехгодичных колледжей, 1473 двухгодичных колледжей, и 6,558 профессиональных и технических учебных заведений” (1995 Digest of Education Statistics, 3). Судя по числу степеней, присвоенных за десятигодичный период времени, можно заметить, как идет распределение между степенями. “За период 1982-83 и 1992-93 гг. увеличилось количество степеней Академии искусств, бакалавров, магистров и докторов. За этот период число степеней Академии искусств увеличилось на 14%, бакалавров — на 20%, магистров — на 27% и докторских степеней — на 29%” (1995 Digest, 3). Интересно заметить, что “С 1984 г. число женщин, закончивших с дипломами высшие учебные заведения, превысило число мужчин. За период между 1983 г. и 1993 г. число мужчин-выпускников увеличилось на 24%, в то время как у женщин это число составляло 58%. Среди частично занятых выпускников число мужчин увеличилось на 7%, а женщин — на 29%” (1995 Digest, 2). Более того, наблюдаются возрастные изменения посещающих колледжи Америки.

“Все быстрее увеличивается число более взрослых студентов, чем молодых. За период 1980 г. - 1990 г. количество зарегистрированных студентов в возрасте до 25 лет возросло на 3%, в то время как регистрация лиц в возрасте 25 лет и выше выросла на 34%, за тот же промежуток времени. С 1990 г. по 2000 г. по прогнозам NCS будет наблюдаться рост зарегистрированных лиц старше 25 лет на 12% и тех же в возрасте до 25 лет — на 13%” (1995 Digest, 1). Подобная ситуация, без сомнения, возникает потому, что многие молодые люди хотят завершить свое образование в колледже.

И те изменения, которые наблюдаются в других областях высшего образования, указывают не только на направление высшего образования, но и на тот путь, по которому движется американское общество. Благодаря структуре высшего образования учебные заведения стоят на рыночной основе. Они принуждены конкурировать с другими колледжами и университетами, чтобы иметь хотя бы минимально необходимое число студентов. Поэтому, они стараются найти пути обучения и образования в областях, испытывающих наибольший спрос. Сам спрос отражает настроение и движение общества. Если посмотреть на статистические данные, можно обнаружить текущие перемены. “За последние годы значительно изменилась структура степеней бакалавра в области изучения. Наблюдается значительный спад в основных мужских сферах, таких как инженерное искусство и компьютерные и информационные науки. За период 1982-83 гг. и 1987-88 гг. заинтересованность в инженерном искусстве и технике упала на 1%, а за 1987-88 гг. и 1992-93 гг. — на 12%. За период 1970-х гг. и начало 1980-х гг. набрали темп компьютерные и информационные науки, но упали на 30% в 1987-88 гг. и в 1992-93 гг., были на уровне 1982-83 гг.”

“В противоположность, некоторые области, которые развивались довольно медленно, такие как социальные науки и психология, начали быстро набирать темп. Например, число дипломов бакалавра, присужденных в области социальных наук и истории, увеличилось на 5% за период 1982-83 гг. и 1987-88 гг., но возросло на 35% за период 1987-88 гг. и 1992-93 гг. Заинтересованность в психологии возросла на 12% за пятилетний период [1982-83 и 1987-88 гг.] и возросла на 48% за период 1987-88 гг. и 1992-93 гг. В 1987-88 гг. число степеней, присужденных в образовании, впервые возросло после 1972-73 гг. За период между 1987-88 гг. и 1992-93 гг. число степеней в образовании в целом увеличилось на 18%. В какой-то степени, эти перемены за период 1987-88 гг. и 1992-93 гг. выделяют растущее численное преимущество женщин в студенческих городках через отражение значительного увеличения в росте степеней в некоторых доминирующих женских областях, и спад во многих преимущественно мужских областях” (1995 Digest, 4).

Это указывает на то, что высшее образование в Америке претерпевает изменения не только в предметах обучения, но и в той публике, которая посещает занятия.

И понятно, что высшее образование в Америке не только меняется, но оно очень тонко чувствует и откликается на все те изменения, через которые проходит само общество. И то, что приходится изменять, не совсем действует в лучших интересах образования, но пока ситуация не улучшится в начальной и средней школах, другого выхода не ожидается. Многие из тех перемен в высшем образовании, о которых мы сегодня говорили, обладают и преимущественными сторонами. Но не следует думать, что все изменения являются хорошими или что нужно продолжать делать эти изменения. И что действительно благотворно для этой системы, это то, что она способна к каким-то изменениям с целью подчиниться нуждам сообщества, поскольку она контролируется штатом, а не федерацией.

- U.S. Department of Education. 1995. *Postsecondary Education. 1995 Digest of Education Statistics*. Washington D.C.: Government Printing Office. Data Base on-line.

История развития высшего образования

Чтобы понять настоящее положение высшего образования в Америке, необходимо получить какие-то сведения о процессе развития образования в этой стране. Те люди, которые переселились в Америку и осели на севере американского континента, были убеждены, что для хорошо организованного и производительного общества необходимо иметь образованных граждан. Особенно это касается пуритан, поселившихся в Новой Англии. Для них ответственность перед Богом послужила толчком к началу образовательного процесса. Требовалось, чтобы человек сам понимал, чего от него хочет Бог. Поскольку же то, что необходимо для этого понимания записано в Библии, то каждый человек должен уметь читать и открывать ее для себя. Эту идею принесла с собой Реформация, которая решительно выдвигала идею Божьего замысла, подразумевавшего возможность каждого человека читать Евангелие на своем родном языке. Это убеждение, конечно же, исходило из библейского учения, что каждый человек несет ответственность перед Богом за свои действия. Имея способность обращаться к Евангелию самостоятельно, каждый гражданин мог ежедневно читать Библию, которая напоминала бы ему о поведении, угодном Богу. Более того, Библию можно было читать и изучать дома, укрепляя тем самым семейные узы, поскольку общей целью семьи было служение Богу. Считалось, что независимо от того, какое положение в обществе занимал человек, образование для него необходимо, для того чтобы иметь возможность читать и понимать законы своего правительства. Это означало, что именно образованные и информированные граждане могли создать общество мечты, отдавая для этого все свои знания и способности.

В связи с этим становится понятным, почему пуритане придавали такое большое значение образованию. Оно занимало центральное место во всем, что они делали, касалось ли это создания хорошо организованного и производительного общества или обеспечения той обстановки, в которой у каждого человека была возможность почитать Бога. Идея пуритан, которую принесла с собой Реформация, состояла в том, что человек должен чтить Бога всегда, в каждый момент своей жизни, а не только в какой-то определенный день недели. Независимо от того, работал ли человек в поле или в кузнечном цехе, своим трудом он должен был показывать свою преданность Богу. Пуританин должен был почитать Бога во всем, что он выполнял, и каждый член общества во всех своих проявлениях должен был славить Бога. Каждый человек, следовавший Божьим заповедям и ставший в своей жизни все

делать хорошо, не нуждался ни в каком церковно-государственном аппарате. Более того, посвятивший себя Богу человек внутренне очищался, поэтому не было необходимости в ужесточении законов со стороны правительства. Действительно, если человек проживет свою жизнь с убеждением, что в конечном итоге он предстанет перед Богом и должен будет ответить за все свои действия, совершенные им в жизни, то это будет способствовать развитию наиболее упорядоченного и гармоничного общества. Как считали пуритане, такое возможно только для людей образованных, которые могли читать Евангелие и следовать его учению, и подчиняться законам своей страны.

Теперь не сложно понять, почему спустя всего восемнадцать лет после первой высадки пуритан в Америке (1620) Генеральная Легислатура в Массачусетсе постановила учредить университет. В 1638 г. умирает священник по имени Джон Гарвард, завещавший для открытия первого университета половину своего имущества и личную библиотеку, насчитывавшую 400 томов. В это же время и на том же основании, что и Гарвардский университет, были открыты и другие учебные заведения, такие как Йельский и Принстонский университеты. Пуритане были заинтересованы в системе образования не только на уровне университета, но и в обучении людей в школах и колледжах. В 1642 г. Генеральная Легислатура в Массачусетсе обратила внимание населения на необходимость школьного обучения и наложила определенный штраф, если дети не посещали школы и, таким образом, не могли “читать и понимать основы религии и основные законы своей страны”. В 1647 г. тот же законодательный орган отметил, что сатана “отбивает охоту учиться с целью удержать человека от знания Евангелия, и поэтому любой город, в котором проживает не менее 50 семей, обязан иметь своего преподавателя”. В 1640 г. в Кембридже была опубликована первая книга псалмов “The Bay Psalm Book”. Так что к середине восемнадцатого века жители Новой Англии могли похвастаться тем, что они были самыми грамотными людьми во всем мире.

И хотя на практике не все так гладко получалось, как подразумевала теория, американские колонии продолжали уделять большое внимание образованию, основанному на христианском мировоззрении. Когда люди двинулись на запад, привлекаемые новыми возможностями и соблазненные приключениями в покорении пограничных неосвоенных земель, правительство Соединенных Штатов продолжало говорить о необходимости религии и школ, являющихся частью каждого сообщества. В 1787 г. Конгресс Соединенных Штатов принял документ, известный как Северо-западное Соглашение, с указанием общего курса, которому должны были следовать те, кто обосновался на западных границах Америки. В Статье 1 этого документа читаем: “Ни один

человек, чье поведение не нарушает законов миролюбия и благих намерений, не может быть преследуем за свои религиозные взгляды и способ их выражения на указанной территории”. В Статье 3 сказано: “Религия, нравственность и знания, являющиеся необходимыми предпосылками для хорошего правительства и процветания человечества, школ и средств образования будут поддерживаться всегда” (Gaustad, 156). Несмотря на то, что религии, установленной государством, не предполагалось, все признавали, что для воплощения идеи хорошего правительства в школах необходимо проводить занятия по религии и нравственности. Поэтому и образование, и религия поощрялись правительством. Термин “религия” в это время применяли исключительно по отношению к христианству.

Хотя такие учебные заведения как Гарвардский университет организовывались на принципах христианства и христианского мировоззрения, это не означало только их религиозную направленность в обучении. Христианство в Америке, как и Реформация в Европе, учило, что нет подлинного различия между святым и светским (или гражданским). Таким образом, в Гарвардском университете, например, воспитывали не только священников, но обучали и многим другим профессиям. Высшее образование, основанное на христианских принципах, являлось ключом к стабильности в обществе и его процветанию.

Историк Джордж Марсден пишет: “Так, школы выполняют двойную роль, обучая людей также и другим занятиям. Лишь немногим больше половины (52%) выпускников Гарварда в семнадцатом веке стали священниками. Хотя двойную функцию этого университета можно сопоставить с такой же функцией в английских университетах, именно пуритане подчеркивали священность любой профессии, любого рода деятельности человека, и это подчеркивание носило открыто религиозный характер, который обязательно должен был присутствовать. “Каждый, — говорится в первых законах университета в 1646 г., — должен хорошо осознавать основную цель своей жизни и своего обучения в познании Бога и Иисуса Христа, Кто есть вечная жизнь”. (Марсден, 41). Считалось, что лучшим средством для правильного поведения в жизни являются правильные отношения с Богом.

С точки зрения эпистемологии образование в Америке было сформировано через христианское понимание возможности иметь общее поле знаний. Вещи, понимавшиеся правильным образом, имели отношение к Богу, и то, что относилось к Богу, рассматривалось правильным образом. Это на самом деле подразумевало все, что составляло жизнь. Чтобы отразить убеждение в согласованности мира и содействовать его распространению, колониальные университеты, подобно Гарвардскому, стали составлять учебный план. Джеймс Тернер замечает: “Это было

прочувствованное и выученное убеждение той связанности и согласованности, которые, в конечном итоге, происходят от Создателя. Идея объединенного знания естественным образом исходила из убеждения, что люди обладали объективным словом Бога, который, будучи Создателем, является как центром во всех проявлениях жизни, так и ее периферией”. (Bruce Little. *Christian Education, World Views and Post-Modernity’s Challenge*. p.2). Кульминационным моментом высшего образования являлся курс лекций, читавшийся в последний год обучения. “В выпускной год ректор университета читает курс лекций по философии нравственности, целью которого является синтезирование всех сфер знания, вращающихся вокруг одного теологического центра. Первоначально в курсе по философии нравственности давались обширные ответы на обширные вопросы, и этот курс объединял знания в рамках христианского мировоззрения. Лектор показывал, как решения проблем в сферах этики, политической теории, юриспруденции, психологии, религии происходили из божественного закона природы. И все это вместе составляло одну большую схему, свободно извлекаемую из протестантской богословской доктрины, а точнее, из шотландского философского учения”. (Little, 2).

Христианство предоставило эпистемологическую основу для образования в Америке. Идея, что Бог является одновременно средоточием и направлением всех проявлений жизни, послужила отправным эпистемологическим моментом для обучения в колониях. Предложение Тернера было выражено в учебном плане: “... единство знания; проистечение истины, как установлено, от Бога”. Представление о связующей цели бытия коренилось в убеждении, что Бог — Создатель всего, и все, что, в конечном итоге, является истинным знанием — Его знание. Возможность такого мировоззрения вытекает из представления, что у человека есть слово Бога, источник правды, исходящий не от человека, но который человек может понимать, прибегая таким образом к внешнему эпистемологическому источнику. Благодаря этому человек смог избежать состояния глубокого скептицизма и приобрести эпистемологическую уверенность в этой жизни. Таким образом, раннее образование в Америке, находящееся под влиянием христианства, сосредоточило свое внимание не только на воспитании хороших граждан, но и на обучении их достойной профессии. Осмысленная жизнь, являющаяся неотъемлемой частью общества, проходящая в следовании Божьему слову, была столь же важна, как и достижение профессиональных успехов. Теоретически не существовало никакого разграничения между жизнью и профессиональной деятельностью, и об этом было известно первым образовательным институтам в колониях Америки. Так как было единство в

жизни, было и единство в знаниях. Образование в колониях выросло из христианского мировоззрения, учившего тому, что “центр” существует, и что правильно понимаемые вещи в жизни относятся к этому “центру”. Поскольку этим центром являлся Бог, теологию нельзя было отделить от того, что происходило в образовании, в правительстве или в какой-либо другой правомерной сфере жизни Республики”. (Little, p.3). Так выглядело высшее образование в Америке в прежние дни.

Учебный план в Гарварде и других первых университетах требовал от студентов умения владеть греческим и латинским языками, риторикой, логикой, являвшимися основными предметами их образования. Они должны были ознакомиться с некоторыми из древних и современных авторов, как частью их познаний в математике, геометрии, астрономии, физике, метафизике, истории и географии. К этому добавлялись занятия по богословию, формировавшие программу искусств. Желающие получить образование священника должны были пройти трехгодичную программу, по завершении которой им присуждалась степень магистра (Марсен, 43). С течением времени прежние взгляды на учебный план были полностью заменены новыми формами высшего образования. Сегодняшний учебный план отражает совершенно другой курс обучения, наряду с совершенно другими методами, по которым идет преподавание. В университете стали появляться идеи, пагубно влиявшие на образование, в основе которого находились понятия классического образования. Моделью для хорошо сформированного образования в искусствах явилось европейское образование, что содействовало лучшей оценке и познанию окружающего мира в целом, а также помогало студентам познавать навыки, необходимые для рациональных рассуждений.

К сожалению, высшее образование на сегодняшний день несет на себе определенный отпечаток воздействия идей Джона Дьюи (1859-1952). Дьюи обладал колоссальным влиянием на систему образования в Америке, в чем мы сейчас убеждаемся. Он считал, что каждый человек определял истину, и отрицал существование любой установленной истины. Однажды он написал, что “вера в слышащего молитвы Бога является бездоказательной и вышедшей из моды. Бога нет и нет души. Отсюда, нет и потребности к бутафории традиционной религии. Исключив догмы и верования, непреложная истина также является мертвой и погребенной. Нет места установленному, естественному закону или нравственным абсолютам” (Нэш, 91). Он обучал преподавателей, проходящих курсы в колледже учителей Колумбийского университета в Нью-Йорке, что “Идеи являются световыми вспышками действий, изобретенными для извлечения какого-либо практического интереса или избавления от дискомфорта” (Нэш, 91). Здесь имелось в виду, что если идея работает, то она является истинной. Однако возникает вопрос:

кому полагалось определять, что значит “работать”, и затем следующий логический вопрос: Работать для кого? Как можно знать, что является правильным, если нет какого-то стандарта, по которому определяется добро? Не имея никаких высших принципов, превосходящих человека, что будет являться стандартной мерой “добра”?

Как говорит Нэш: “Не нужно искать недостатков взгляда Дьюи после Платона. Главным вопросом жизни Платон видел не в выборе лучших средств для достижения чего-то еще. Наоборот, Платон утверждал, что важным в жизни является уверенность в том, что уже кто-то определил как правильную цель” (Нэш, 92). В результате, эта философия, зачастую известная как прагматизм, приводила к релятивизму. Каждый студент сам устанавливал собственный предел своим знаниям. Субъективное знание превосходило объективное знание. Таким образом, “Преподаватель в классе присутствует как ‘лидер’, но в его обязанности входит лишь синхронизирование и совместная работа с группой. Такие методы как оценки и другие формы соревновательности в школе не могут считаться разумными; они способствуют возникновению у студента чувства превосходства или наоборот приниженности по отношению к другим, а подобные ощущения не соответствуют взгляду Дьюи на демократию. Изучение, где играют роль ощущения, должно располагаться на равной ступени с интеллектуальным изучением” (Нэш, 94). Хотя не все идеи, предложенные Дьюи, были приняты полностью, все же основные положения его философии можно проследить в школах по всей Америке. Основным сдвигом, произошедшим в образовании благодаря этому, явился тот факт, что образование стало “конечной целью” в себе. Аллан Блум указывал: “Так же и прагматизм Дьюи (научный метод, равно как и метод демократии, индивидуального роста без ограничений, особенно — естественных ограничений) рассматривал прошлое как радикально несовершенное и считал нашу историю неуместной или как препятствие к рациональному анализу нашего настоящего” (Блум, 56). Теперь образование больше не сковано высшими нравственными принципами христианства или истории, вместо этого оно обладает свободой поступать согласно своим желаниям, не испытывая никакого принуждения, конечно, если оно само не изъясляет желания испытывать это принуждение.

Несмотря на то, что в результате этих идей мы имеем студента, уступающего по своему умственному развитию студентам прошлых поколений, равно как и студентам из других стран, нет никаких признаков возвращения общественного высшего образования к такому образованию, которое однажды превратило Америку в великую страну. Хотя проводятся исследования и изобилует политическое красноречие об улучшении образования в Америке, ничего не было предложено с

целью изменить коренным образом существующее положение. Хотя и есть люди, действительно осознающие проблему, которые призывают к возврату к Иудео-христианскому основанию нашей прежней системы образования, они находятся в меньшинстве. Можно лишь услышать разговоры о вкладывании большего количества денег в систему с тем чтобы улучшить образование в Америке, и никаких разумных мыслей о полном изменении философской основы современного высшего образования. В текущий момент судьба высшего образования находится в руках тех, чьи идеи симпатизируют идеям, установленным Джоном Дьюи и подобными ему. Правда, растет число людей, видящих саморазрушение высшего образования, чьи голоса против этого начинают звучать все чаще. Появляется все больше литературы, призывающей к возврату на исторические основы образовательных обязательств Америки. При таком положении вещей есть надежда на спасение высшего образования, прежде чем оно обрушится само на себя. Именно христианство предлагает тот взгляд на мир, способный указать путь тем, кто отчаянно пытается спасти образование в Америке от сил, разрушающих интеллектуальное развитие страны.

- Bloom, Allan. 1987. *The Closing of the American Mind*. New York: Simon and Schuster.
- Gaustad, Edwin. *Faith of Our Fathers*.
- Little, Bruce. 1997. *Journal of Evangelical Theological Society*. "Christian Education, World Views and Post-Modernity"
- Marsden, George. 1994. *The Soul of the American University*. New York: Oxford Press.
- Nash, Ronald. 1990. *The Closing of the American Heart*. Waco, Tx.: Probe Books.

Лекция 3

Философские изменения в высшем образовании

Тенденции американского образования в целом поднимают ряд серьезных вопросов и порождают горячие дебаты. Есть четыре философские концепции, которые сейчас способствуют формированию не только образования, но и многих других сфер американского общества. Поскольку общество и высшее образование тесно переплетены друг с другом, эти философские изменения вызывают радикальные перемены в высшем образовании Америки. Как симптом протеста по отношению к переменам, за последние десять лет были написаны многочисленные книги и статьи, критикующие то, что происходит в высшем образовании. “Политическая корректность”, “поликультурность”, “плюрализм” и “позитивизм” — вот эти четыре философские концепции. Конечно, это не означает, что только они являются силами, приводящими к изменению американское высшее образование, но эти четыре являются наиболее хорошо определенными из всех задействованных рычагов управления. Более того, следует указать, что не все, что касается этих философских понятий, имеет негативный оттенок, поскольку в них присутствуют аспекты, с которыми можно согласиться. Столкновение с проблемой происходит, когда эти понятия проводятся в жизнь в совершенно релятивистском окружении, где нет внешней точки отсчета, чтобы придать этим философским понятиям направление и границы. Вместо этого они приходится начальниками сами себе и не связываются каким-либо высшим принципом (по утверждению Дьюи). Отсюда вытекает, что можно применять эти концепции по свободному выбору каждого индивидуума (профессора или учебного заведения).

Исходя из того, чему учит социальная корректность, во имя терпимости человек не должен поступать так или говорить то, что могло бы оскорбить убеждения другого. Академический мир традиционно рассматривается как место, где идеи могут свободно взаимодействовать между собой. Согласно социальной корректности, некоторые предметы, а равно и определенные слова, имеют ограничения, то есть не могут подвергаться публичному обсуждению. Например, тот факт, когда не разрешается говорить о Боге в мужском роде, привел к использованию учащимися среднего рода. На самом деле, причина здесь выходит далеко за пределы языка и относится к этническим группам, различным сексуально-ориентированным группам, таким как гомосексуалисты и любым другим, которые доились того, что известно как “статус меньшинства”. Положение меньшинства обычно означает, что группа внутри общества отождествляется с объектом какой-либо формы

дискриминации, реальной или надуманной. Идея политической корректности подразумевает, что каждая группа обладает свободой определить, что является допустимым, а что нет. Аргумент состоит в том, что, поскольку в прошлом они были поставлены в худшие условия, им дается право диктовать условия, которые смогли бы восстановить их в социальном отношении. Чтобы узаконить это понятие, используется слово “терпимость”.

Терпимость, применяемая в высшем образовании в частности и в обществе в целом, не является просто тем, что человек должен относиться терпимо к взглядам других. Конечно же, в академическом мире подлинная академическая свобода и интеллектуальная честность требуют определенного уважения к точке зрения других, даже если кто-то решительно не согласен с этой точкой зрения. Нечестность и подлость в характере и недостаток вежливости не являются главными чертами, характеризующими академию. Однако это не то, что имеется в виду под “терпимостью”. Этот термин означает, что традиционные группы или мнения больше не имеют свободы произносить то, что может противоречить идеям групп меньшинств или нетрадиционным мнениям. В действительности от традиционных идей и мнений требуется быть выраженным таким образом, чтобы они отказались от того, в чем состоят их главные особенности и отличия — чтобы, таким образом, они не были “оскорбительными” ни в каком отношении. Все традиционное и устоявшееся, через терпимость, должно уступить дорогу всему тому, что появляется как что-то новое и отличающееся. И происходит это не потому, что традиционные идеи и пути не оправдали себя или показали свою неэффективность, но потому, что они “не должны принижать мнение меньшинства”, произвольно сформулированное. В результате утрачиваются рациональные критерии, по которым идеи могут допускаться или отвергаться на основании их весомости и интеллектуального достоинства, их истинной ценности. Оспаривание идеи тех, кто принадлежит к “меньшинству” является равносильным быть нетерпимым, что считается мерилем всего. И то, насколько правдоподобна эта идея, не имеет ничего общего с тем, следует ли допустить эту идею или отклонить ее. Не сложно заметить, как идея “терпимости”, понимаемая в пределах определения “политической корректности”, негативно влияет на высшее образование. Мерилом приемлемости идей отныне является не истина, но новизна.

Другим философским понятием выступает “поликультурность”. Вначале необходимо понять, как слово “культура” применяется в Америке. Это термин, очень широко использующийся и относящийся ко всему, что составляет общество. Он включает образование, искусство, архитектуру, идеи, религии и все законное, что выделяет общество и

отличает его от другого. Поликультурность, как этот термин используется в академическом мире высшего образования, учит тому, что все культуры, представленные в Америке, обладают равными правами в формировании американской культуры, что каждая социально-этническая группа внесла равный вклад в появление американской культуры. Джеймс Хантер объясняет, как защитники поликультурности смотрят на общий учебный план американского высшего образования: “Существующий учебный план политизирован на основании того факта, что его основные части были, в основном, составлены уже не живущими белыми мужчинами-европейцами. В то время как литературные критики мужского пола канонизируют новеллистов мужского пола со светлой кожей; историки-мужчины со светлой кожей из элитарного круга документируют исторические события, случившиеся со светлыми мужчинами элитарного круга; мужчины-психологи со светлой кожей проводят тестирование второкурсников мужского пола со светлой кожей; и так далее. Таким образом, утверждают прогрессисты, в действительности была изучена только незначительная часть человеческого опыта, — та часть, которая в сущности своей заражена расизмом, предубеждениями или дискриминацией, основанной на разнице полов, на поведении и условиях или отношениях, воспитывающих стереотипы социальных ролей, в основу которых ложится пол человека, и империализм. Словом, знание, по существу, является пристрастным. Поэтому сегодняшнее решение должно включать в себя различный опыт, перспективы, и истины, особенно те, которые в прошлом замалчивались и игнорировались, — голоса женщин, нуждающихся, меньшинств, и других, кто лишен привилегий, и бессилён перед господствующими структурами власти” (Gaede, 32). Иными словами, если белый англосакс протестантской веры написал историю в силу своей этно-религиозной ориентации, можно предположить, что история эта настолько пристрастна, что ей нельзя доверять; на самом деле, это только попытка возвысить его тип и обесценить и критиковать все остальные. Или, если белый англосакс занимается литературной критикой, то, утверждают, он всегда игнорирует любого, кто не принадлежит к его типу. Это включает как женщин, так и тех, кто принадлежит к другим расам или религиям. В конце концов, это исключает все, что является продуктом белого англосаксонского протестанта как что-то фальшивое и недоброе.

Во всем сказанном есть доля правды. Однако другая крайность, предложенная поликультурностью, не представляет ничего лучшего. Если то, что было написано с позиций традиционной точки зрения, разумно представляется как ошибка, тогда она должна быть исправлена там, где она сыграла несправедливую роль. Но то, что в действительнос-

ти происходит в университетах, это отбрасывание в целом традиционно-го и замена его новыми учениями, без учета исторических фактов или той реальности, в которой находится культура. Гейд отмечает: “За последние десятилетия вновь появился целый набор специализированных предметов, вместе с возникновением учебных дисциплин для темнокожих в начале семидесятых и дальнейшим появлением предметов изучения для женщин, а также предметов, изучающих все, что относится к латиноамериканской культуре, и дисциплин, изучающих гомосексуализм. Я хочу этим сказать, что существуют определенные группы, которые, по причине своей исключительности, требуют более сконцентрированного внимания со стороны ученых. Но внимание к каждой из этих групп — это лишь одна причина. Другой причиной является культивирование новых путей видения: смотреть на мир глазами феминистки, или глазами человека, принадлежащего к латиноамериканской культуре и т.д. В этом смысле, встает цель метафизического характера: создать новое мировоззрение. И именно эта цель, более чем любая другая, вызывает полемику. Критики утверждают, что подобным ученым не хватает целостности, что они пожертвовали своими стипендиями за идеологию” (Gaede, 32-33). Гейд объясняет, что это означает для высшего образования: “Таким же образом традиционные дисциплины преобразовали сами себя через поликультурность, когда был поддержан взгляд ученых на дисциплины с позиций ранее исключенных групп. Вместо того чтобы обозревать американскую историю с точки зрения евро-американцев, к примеру, утверждается необходимость понять ее с позиций коренных американцев. Вместо того чтобы закрепить свои выводы на данных, произведенных белыми студентами-второкурсниками колледжа, ученые социальных наук продолжают с большей силой задавать вопрос, который когда-то задавался феминистками: Куда исчезли женщины? И ответ приводил не только к более содержательным данным, но часто к неоднозначным выводам, требующим исследований, и к различным теориям” (Гейд, 33). Мы видим, что под знаменем поликультурности, те, кого всегда считали главными “вкладчиками” в американскую культуру, сбрасываются со счетов, и перед нами предстает совершенно новая картина видения окружающего мира. И это не просто попытка исправить недостатки, но попытка установить совершенно новое мировоззрение, и она проводится в американское общество через высшее образование.

Третьей философской концепцией, формирующей высшее образование, является “плюрализм”. Согласно плюрализму, нет единой истины. Все истины имеют равное значение или ценность, даже если они противоречат друг другу, и не существует истины всеобщей. Это “...

философский взгляд на мир, скорее подчеркивающий разнообразие, чем однородность; множество, а не единство; разницу, а не тождество. ... Плюрализм в современной мысли дает толчок в постметафизический век. Он меньше всего касается традиционных метафизических и эпистемологических вопросов, пытающихся разрешить проблемы, касающиеся природы типов веществ и свойств; и больше всего настроен на разнообразие социального опыта и многочисленные проявления языка, разногласия, и на демонстрацию во всем блеске и разнообразии человеческих свершений” (Audi, 624-625). Всеобщая истина откладывается в сторону, и внимание обращается на частности. В этом случае никто не может встать и сказать, что что-то не так с какой-то определенной вещью или что это не является верным. Любой, делающий подобные заявления, автоматически не принимается в расчет как просто неуместный, в лучшем случае, или как фанатик — в худшем. Это означает, что во многих университетах целый ряд идей не допускается, поскольку они высказываются не в плюралистических, но скорее в абсолютных и исключительных выражениях. Это главное изменение того пути, которому высшее образование в Америке следовало пятьдесят лет назад.

Четвертая философская концепция, “позитивизм”, создает перемены в высшем образовании в течение большего промежутка времени, чем первые три. Позитивизм является верованием, что “... человеческое знание нельзя распространить за пределы того, что можно обнаружить через научный метод” (Нэш, 65). Это означает, что знание, приобретенное любыми другими средствами, не занимает никакого места в интеллектуальной дискуссии. Придерживающиеся подобной позиции не только сами избавляются от подобного знания, но благодаря такой позиции наука оставляет без ответа всех (по учению Дьюи). Более того, верование самого позитивизма нельзя проверить по его собственному стандарту, и поэтому нужно отклонить основное убеждение, поскольку оно не может выступать в качестве “истинного знания”. Несмотря на это позитивизм искусно превратился в преобладающее убеждение в университетах. Чистым результатом этого, например, явился тот факт, что все, связанное с утверждениями христианства, не может считаться знанием, но только личным мнением. Поэтому, не подвергается никакому общественному обсуждению, насколько оно верно, истинно или хорошо.

В дополнение к этим четырем философским понятиям высшее образование подвергается глубокому влиянию постмодернистского взгляда, называемого деконструкцией. Этот термин применяется к новому подходу к литературе или тому способу, по которому следует рассматривать любой текст (исторический или литературный). Стейнли Гренц показывает, как шло развитие этого процесса: “Современный

человек находится под непрерывными ударами, по крайней мере, с того самого момента, когда Фридрих Ницше (1844-1900) бросил свой первый мячик против него в конце девятнадцатого века; но полномасштабная фронтальная атака началась лишь после 1970 г. Внезапный интеллектуальный импульс, направленный на демонтаж программы Просвещения, возник от растущего влияния декаданса как литературной теории, который, в свою очередь, оказал влияние на появление нового течения в философии. ... Деконструкция явилась результатом продолжения теории, называемой “структурализмом”. Структуралисты утверждают, что язык является социальным созданием, и что люди развивают литературные документы — тексты — с тем, чтобы обеспечить смысловые структуры, которые помогут им осмыслить бессмысленность их опыта. Структуралисты утверждают, что литература предлагает категории, помогающие нам организовать и понять наши накопленные знания о реальности. Они также заявляют, что все общества и культуры располагают общепринятой, инвариантной структурой”.

“Деконструкционисты (или пост-структуралисты) отклонили последнюю доктрину структурализма. Как они утверждают, смысл не присущ самому тексту, но он возникает только тогда, когда истолкователь вступает в диалог с текстом. И поскольку смысл текста зависит от взглядов того человека, который вступает с ним в диалог, то у него может быть столько же значений, сколько и читателей (или толкований)” (Грэнц, 6). Согласно деконструкционизму, истина не обнаруживается, она создается. Нет смысла жизни, и понятие трансцендентального отсутствует. Знание не объективно, как оно понимается Просвещением.

“На основе идей, подобных этим, французский философ Жак Деррида призывает к оставлению как “онто-теологии” (попытка установить онтологические описания реальности), так и “метафизики настоящего” (идеи, что нечто трансцендентное присутствует в действительности). Поскольку реальности не присуще ничто трансцендентное, утверждает он, все, что появляется в познавательном процессе, является взглядом того личного я, которое интерпретирует реальность” (Грэнц, 6). Все, что остается — это частности, которые истолковываются другими частностями, людьми, не имеющих понятия ни о какой другой универсальной или установленной истине. Смыслу придается индивидуальная окраска. Это привело Майкла Фокалта к заключению, что любая интерпретация реальности на самом деле является лишь утверждением власти. “Поскольку `знание` — это всегда результат использования власти, указывать на что-то является проявлением власти и, отсюда, жестокостью по отношению к тому, на что указали. Социальные институты неизбежно вовлекаются в насилие, когда они навязывают свое собственное понимание постоянного, лишенного центра, движения

или потока приобретаемых знаний и опыта, говорит он. Так, в противоположность Бэкону, который искал знание с целью приобрести власть над природой, Фокалт заявляет, что любое утверждение знания есть акт власти” (Грэнц, 6). Сегодня, когда литература изучается во многих университетах, она преподается именно с этих позиций. Ничто не является объективным. Таким образом, “... на основе этого предположения, постмодернистские мыслители прекратили Просветительские поиски любой универсальной, надкультурной, безвременной истины. Вместо этого они концентрируют свое внимание на том, чего придерживаются в качестве истины в пределах какой-то определенной общности” (Грэнц, 8). Приведенный текст, по его же утверждению, не несет с собой никакого объективного сообщения. Это сообщение не является одинаковым для всех читателей, поскольку каждый читатель сам определяет достоверность этого сообщения.

Это привело к направлению в исторической науке, известному как “ревиизионизм”. Когда прочитываются исторические тексты, из них извлекают не тот смысл, который представил бы объективную правдивость событий прошлого, но, скорее, это будет формулировка какого-то сообщества людей о тех событиях. Это означает, что наше сообщество может свободно давать свою оценку событиям. И как бы ни отличались эти два толкования, они оба являются верными — истинными, относительно сообщества людей, дающих свою формулировку. Это дает достаточные основания для переписывания истории каждым сообществом людей. Таким образом, коренным образом изменяется сам метод преподавания истории, а равно и литературы, в частности, на уровне высшего образования.

Эти философские изменения в высшем образовании изменяют и метод обучения студентов, и предметы специализации. Во всем этом христианство теряет дважды. В первом случае, оно является стабильным, и в соответствии с пониманием поликультурности его нужно заменить новым взглядом, парадигмой. Во втором случае, поскольку христианство концентрирует все свое внимание на универсальной истине, оно выступает в качестве угрозы плюрализму. Следовательно, в высшем образовании Америки не нашлось места для обучения христианству, или оно занимает “незначительное место”, говоря на языке учебного расписания. На сегодняшний день основное христианское влияние в общественном высшем образовании распространяется через христиан-профессоров в студенческих городках. Также, время от времени, в студенческих городках или на отдельных занятиях выступают приглашенные христиане интеллектуалы. Кроме того, в университетских городках есть христианские организации, оказывающие влияние на студентов, но с точки зрения христианского влияния в общем учебном

плане это лишь очень незначительно компенсирует то, что было потеряно с возникновением философских сдвигов, наблюдаемых в высшем образовании. Еще в 1960-х гг. философ Ричард Вивер, наблюдая за происходящим процессом, написал, что если предположения о новой тенденции в высшем образовании достоверны, то “конфликт между ними и главным учением иудео-христианского классического наследия Запада будет тут же очевиден” (Вивер, 115). Каждый должен понимать, что изменения в американском высшем образовании влияют на то, как рассматривается культура и интеллектуальные разногласия, и что является важным для общества. В результате, они разрушают различие между тем, что считается тривиальным и тем, что является важным.

- Audi, Robert, gen. editor. 1995 The Cambridge Dictionary of Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gaede, S.D. 1993 When Tolerance Is No Virtue. Downers Grove, ILL.: InterVarsity Press.
- Grenz, Stanley. 1996. A Primer On Postmodernism. Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing Company.
- Nash, Ronald. 1990 The Closing of The American Heart. Waco, Tx.: Probe Books.
- Weaver, Richard. 1964. Visions of Order. Republished. Bryn Mawr, PA: Intercollegiate Studies Institute.

Лекция 4

Альтернатива переменам, происходящим в высшем образовании Америки

Образование в Америке было основано на иудео-христианском мировоззрении. Согласно этому мировоззрению, поскольку существовала универсальная истина, было возможно и единое поле знаний. Правда, в настоящее время этого убеждения в высшем образовании Америки более не придерживаются. В какой-то момент идея единого поля знаний отпала. Это отделение соответствовало убеждению, что Бог ни в какой мере не мог отождествляться с тем, что современный человек называл истиной. Этот уход от трансцендентального и, потому, от универсалий, поддерживался идеей позитивизма, подталкивающей человека к беспристрастности и недоверию к метафизическому. Прославленные научные достижения улучшили качество материальной жизни, но привели к тому, что технологические преимущества уравнились со значением и ценностью жизни, что привело к утрате идей причины и смысла человеческого существования. Следовательно, в академическом образовании “явление” затемнило “сущность”, а “ощущение” заменило “мысль”. Без внешней точки отсчета для вселенной (то есть без идеи установленной истины) в западном мышлении произошла перемена, переместившая центр с эпистемологической объективности на субъективность и заменившая философские абсолюты на философский релятивизм.

Как только теология перестала занимать центральное место в американском образовании, знание неизбежно стало относительным. И хотя первоначально преобладали еще прежние взгляды и подходы, радикальное изменение системы образования было лишь вопросом времени. Вскоре религиозное обучение вместе с христианским мышлением исчезло из учебного плана. Вместо этого школы богословия выделились из состава университетов, и центр христианского образования, базировавшийся до сих пор на университетском образовании, теперь переместился в эти школы. Уже в 1850 г. можно было ходить в университет, не посещая вообще никаких курсов по христианскому воспитанию. Таким образом, с упадком христианского влияния в университетском образовании, христианское мировоззрение вскоре стало исчезать. В результате сама основа образования, служившая Америке верой и правдой на протяжении 200 лет, теперь полностью пересматривалась. Образование постепенно теряло свой центр, обеспечивавший единство знаний и жизни.

Образование больше не было заинтересовано в едином поле знаний (в идее философского центра); предметы изучались по отдельности, что вызвало разлад в знании. “Слепо следуя научным моделям, университе-

ты превратились в беспорядочное скопление специальных дисциплин и поддисциплин, не имея ничего, что бы состояло бы с ними (этими моделями) в родстве. В результате основная характеристика высшего образования пришла в состояние хаоса. В то же самое время стремление к свободе стало самоцелью. Но полная свобода выбора могла привести только к “анархии и растворению в массе”. Многие науки могут засыпать нас мириадами фактов; но университеты не предлагают никакой методики, чтобы отличить обыденное, сиюминутное и преходящее от вневременного и бесконечно ценного” (Мардсен, стр. 378). Так как христианство потеряло свой христианский эпистемологический центр, обеспечивавший единство образования и потребность в учебном процессе, выходящем за рамки самого предмета, к началу 20 века оно переживало состояние хаоса.

Подобную перемену в мышлении западного мира называют постмодернизмом. Историк-интеллектуал Ричард Тарнас одобрительно пишет о мышлении постмодернистского человека: “Идет постоянное изменение реальности и знаний и дается высокая оценка гибкости; вместо непреложных абстрактных принципов предпочтение отдается конкретным знаниям и навыкам, приобретенным непосредственно; крепнет уверенность в том, что убеждения или научные исследования не должны подчиняться ни одной первичной мыслительной системе. Признано, что человеческое знание субъективно определяется множеством факторов; что объективные составляющие или “вещь-в-себе” не являются ни допустимыми, ни постулированными; и что только через постоянную непосредственную проверку можно узнать ценность любой истины или предположения. Решительный поиск истины должен сдерживаться неопределенностью и плюрализмом; возникшее в результате знание будет, скорее, относительным и не исключающим ошибок, чем абсолютным и непоколебимым” (Тарнас, 395-6). Подобные идеи полностью противопоставляются идеям, которые несет в себе христианское мировоззрение.

Все это говорится не для того, чтобы показать, что христианское влияние в целом исчезло из университетов или колледжей. Во многих из них христианские службы проводились в часовнях в студенческих городках вплоть до 20 века. Даже в 1940 г. в 48% университетов проходили христианские службы, с обязательным их посещением. Правда, это не имело уже никакого реального влияния на образование или студентов. На протяжении следующего десятилетия проведение служб в студенческих городках прекратилось. Особенно это стало очевидным, когда исчезло обязательное посещение церкви. С этого момента в студенческие городки стали приглашаться различные христианские организации для распространения христианской вести. Правда, эти меры не помогли с точки зрения учебного плана обучения. Верно, что многие государственные университеты в 20 веке организовывали факультативны

религии, где религия давалась в общем обзоре без рассказа о евангельском христианстве (в отличие от того, что было в первые 150 лет американского образования). Более того, религия преподавалась отдельно от других предметов обучения. Было утеряно христианское мировоззрение, обеспечивавшее цельное образование, основанное на едином поле знаний.

Именно из-за потери философского центра и представления о едином поле знаний в мышлении западного человека стало возможным появление таких понятий как деконструкция, социальная корректность, поликультурность, плюрализм, позитивизм. Всем им следует найти замену, если мы хотим видеть высшее образование не перекатывающимся с одной волны на другую из-за отрицания им трансцендентного, а четко следующим единым путем. Однако проблема не является столь простой, как может показаться на первый взгляд, поскольку дело не только в том, что было отвергнуто традиционное и устоявшееся, но и в том, что для решения самой этой проблемы абсолютно не отведено никакого сколько-нибудь значимого места в академической дискуссии. Считается, что традиционная вещь иудео-христианского классического образования не имеет никакого значения для определения следующего шага. Согласно этим взглядам, прошлое не несет в себе никакой ценности, а христианство отождествляют с прошлым. Более того, понятия поликультурности и социальной корректности настолько сильно изменили учебный план высшей школы, что у многих студентов нет даже первоначального представления об объективном исследовании западной истории. В самом деле, курсы по западной цивилизации, когда-то бывшие необходимыми как суть гуманитарного обучения, были все исключены большинством университетов и многими частными колледжами. Обычные литературные занятия, на которых студент мог ознакомиться с великими представителями прошлого, превратились в занятия по абсолютному неприятию и отвержению литературных гигантов. И это являлось непосредственным влиянием деконструкции и поликультурности на всю структуру высшего образования.

Стандартные курсы либо вычеркивались из учебного расписания, либо без какой-либо оговорки принимали какие-то иные формы — на их месте появлялись совершенно новые, неакадемические курсы. Для получения диплома требовалось посещение занятий по плетению корзин. Как вполне правомерные академические занятия, в расписании стали постепенно появляться занятия по образу жизни гомосексуалистов и другие нравственно отвратительные предметы. Конечно, подобную картину можно наблюдать не в каждом университете. Тем не менее, налицо как тенденция развития в этом направлении, так и значительное число заинтересованных в этом людей. Возмущает, что доллары, уплачиваемые в виде налогов, используются не для законных академических

целей, но для реализации сиюминутных программ тех, кто отвергает традиционное и утвержденное. Христиане и те, кто симпатизирует христианской позиции, выступают в оппозиции; однако, хотя в некоторых местах и происходят какие-то изменения, в большинстве университетов общая тенденция продолжает усиливаться.

В качестве противовеса этому растущему нехристианскому (а временами антихристианскому) подходу начался рост после школьного христианского образования. Это не явилось новой идеей, но приобрело новый смысл и необходимость в новых условиях. Действительно, уже к концу девятнадцатого века по всей стране наблюдался рост христианских университетов. Впервые это началось как Движение Библейских Институтов в 1890 г. Эти учебные заведения предлагали двух- или трехгодичные программы, где преподавались, в основном, богословские предметы. Хотя строгое гуманитарное образование, обычно отождествлявшееся с такими школами, отсутствовало, в них преподавался английский, иностранные языки и философия. Нельзя сказать, что подобные заведения конкурировали с другими университетами, поскольку они имели свою, особую цель и миссию — обучать священников. По завершении курса учебы предлагались лишь диплом или сертификат. Правда, к середине 20 века в расписании многих Библейских Институтов стали появляться искусства, и эти школы превратились в четырехгодичные колледжи, хотя продолжали обучать лишь собирающихся стать священниками или несущих религиозные миссии.

Приблизительно в это время стали развиваться христианские университеты. Это были такие учебные заведения, в основе учебных программ которых лежало иудео-христианское мировоззрение, но в которых обучались не только желающие получить религиозное образование. Со временем были образованы различные колледжи внутри университета. Развивались школы или колледжи управления, науки, психологии, инженерного искусства, медицины, изящного искусства, коммуникации — и множества других сфер специализации. Целью их было обучение людей мирским профессиям, но в христианском окружении и с христианским мировоззрением, избегая, таким образом, нехристианских влияний других университетов. В подобных христианских университетах каждый студент должен было посетить определенное количество часов Библии и богословия, и, невзирая на то, какой предмет или дисциплина преподавались, они преподносились с христианской точки зрения. В обучение каждого студента входили добродетель и нравственная целостность как часть его образования. Студенты могли отличаться расой и полом, и к каждому существовало уважительное отношение. В учебном плане такого университета отражается его обязательство перед Богом и понимание того, что существуют универсалии (установленные истины) и что единое поле знаний возможно. Преподавание искусств

опиралось и свидетельствовало о том факте, что человек сотворен по образу Божьему и в силу этого обладает способностью создавать предметы, обладающие красотой и ценностью. Науки преподавались с точки зрения, что человек живет в упорядоченной и задуманной вселенной, поскольку ее Создателем является Бог. Разумно и полезно изучать природу, поскольку она была сотворена по разумному замыслу, и поэтому понятна и предсказуема. Студентов учат тому, что человек живет в нравственно-определенной вселенной, и несет нравственную ответственность перед Богом и людьми. Прежде всего, христианские университеты подчеркивают главную весть христианства, а именно, воскресение Иисуса Христа, и учат тому, что пока человек не установит правильных отношений с Богом через веру в Иисуса Христа, он не найдет удовлетворения и полноты в жизни.

За последние 50 лет по всей Америке было учреждено множество христианских университетов и колледжей. Количество студентов в них варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч. Эти школы выпускают исключительных студентов: как квалифицированных специалистов, так и нравственно ответственных людей. Например, у нас на Юге есть масштабный евангельский христианский университет, в который обращаются всевозможные фирмы, когда ищут новый персонал для работы. Они знают, что это будет не только квалифицированный в профессиональном плане человек, но что они приобретут и ценные качества его характера, такие как честность, целостность и самодисциплина. Таким образом, христианский университет или колледж не только помогает человеку, но положительно влияет на общество в целом.

Однако создание христианских учебных заведений и управление ими является довольно дорогим предприятием. Многие из них имеют годовые бюджеты в миллионы долларов. Поскольку они не получают денег от правительства, они вынуждены зависеть от щедрости христиан, оказывающих финансовую поддержку школам. Эти школы нанимают людей, тратящих свое время на добывание денег с целью управления и содержания школы. Как правило, преподаватели курсов в подобных университетах получают более низкие зарплаты, чем те, кто преподает в нехристианских учебных заведениях. Правда, они не возражают, что им приходится работать за меньшую сумму денег, поскольку верят, что христианское образование является крайне необходимым как для христианского сообщества, так и для общества в целом.

Новые возможности, созданные компьютерными технологиями, помогают христианским колледжам и университетам предоставить своим слушателям хорошее высшее образование. Конечно, это относится не только к христианским колледжам и университетам, но и ко всем образовательным учреждениям вообще. Компьютер революционизировал

учебный процесс. Многие колледжи и университеты (христианские и нехристианские) предоставляют студентам компьютеры. Для их размещения выделяют компьютерные лаборатории, а иногда ставят их в библиотеках; каждому студенту присваивается личный номер и код доступа. Их исследовательские работы закладываются в память компьютера и посредством электронной почты передаются профессору, который проверяет их на своем компьютере и возвращает уже проверенные результаты студенту в его почтовый ящик электронной почты. Компьютером также пользуются в классной комнате с целью улучшить преподавательский процесс. С помощью компьютера, соединенного с Интернетом, у профессора и студента появляется возможность посетить любые музеи и библиотеки мира, не выходя из кабинета. Через связь с Интернетом по компьютеру можно передать исторические документы, шедевры искусства и многое другое. При помощи специального компьютера профессор может перенести изображения с экрана своего монитора на большой экран в классной комнате, чтобы каждый студент смог их увидеть. Это открыло новые горизонты для преподавания на всех уровнях образования и, в частности, высшего образования. Образовательные возможности почти не имеют предела, поскольку студент может распоряжаться любой информацией, собранной со всего мира. Несмотря на то, что первоначальная стоимость довольно высока, даже христианские колледжи и университеты делают инвестирования в это оборудование, что дает им возможность обеспечить студента ресурсами, которые когда-то были под силу только крупному штату или хорошо обеспечиваемому постоянным доходом частному университету.

Компьютеры используются также в так называемом “взаимодействующем цифровом изучении”. Студенты собираются в специальном кабинете, оборудованном телевизионными камерами и микрофонами. Поскольку класс является управляемым, изображение лекции передается по телефонным проводам в специально оборудованные компьютерами образовательные центры по всему миру. Это дает возможность студентам присутствовать на занятии в городе Уинстон-Сейлем в штате Северная Каролина, и одновременно в этом же занятии могут принимать участие студенты, к примеру, из четырех различных уголков мира. Любой студент, независимо от того места, где он находится, имеет возможность увидеть и услышать ту же самую лекцию и вступать в контакт с профессором в Уинстон-Сейлеме в Северной Каролине. Христианские учебные заведения пользуются этим способом с целью подготовки людей к христианскому служению в других странах. В этом случае человеку совсем не обязательно покидать свой дом и семью на время получения образования.

Другим способом использования компьютеров и Интернета является так называемое “дистанционное изучение”. В этом случае студент

посещает занятия в студенческом городке каждый день по восемь часов на протяжении недели. Затем студент возвращается домой, выполняет свою исследовательскую работу и общается с другими студентами, также посещающими эти занятия, как и с профессором, — через Интернет. Вместо непосредственного устного общения друг с другом они общаются через электронную почту, посылая свои вопросы и отвечая на вопросы других. Как только исследование завершено, пишется работа, которая является конечным требованием этого курса. В настоящее время есть такие христианские университеты, которые по такому методу предлагают полный курс высшего образования. Конечно же, нехристианские учебные заведения применяют подобную технологию таким же способом. Это дает возможность христианским учебным заведениям иметь качество и расширенную образовательную программу за довольно разумную стоимость как для университета, так и для студента.

Суть всего этого состоит в том, что даже если общественные и некоторые из частных образовательных программ высшей школы претерпевают изменения под влиянием нехристианских философий, христианское влияние продолжает поддерживаться христианскими колледжами и университетами. Там студент сталкивается с христианской вестью покаяния и спасения, там же он может получить классическое образование, подготавливающее его к полноценной и осмысленной жизни. Одним из прогрессивных явлений, помогающих христианскому сообществу понять и максимально использовать объективность влияния каждого отдельного человека в частности и общества в целом, является расширение возможностей компьютерных технологий.

Не существует никакого способа предсказать, вернется ли высшее общественное образование в целом к тому положению, которое оно имело в прошлом, или нет, но христианское сообщество предлагает это в качестве альтернативы тому, что происходит сейчас в общественных университетах и некоторых из частных учебных заведений. Те, кто стремится к этому, те, кто старается что-то изменить, видят альтернативу в высшем образовании, которая является именно христианской, и которая бы следовала за ранним высшим образованием в Америке, существовавшим задолго до того, как всевозможные нехристианские философии изменили его форму и цель.

- Marsden, George. 1994. *The Soul of The American University*. New York: Oxford Press.
- Tarnas, Richard. 1993. *The Passion of The Western Mind*. New York: Ballantine Books.

С о д е р ж а н и е

<i>Лекция первая</i>	
Общие изменения в высшем образовании	3
<i>Лекция вторая</i>	
История развития высшего образования	10
<i>Лекция третья</i>	
Философские изменения в высшем образовании	17
<i>Лекция четвертая</i>	
Альтернатива переменам, происходящим в высшем образовании Америки	25

Настоящая публикация подготовлена **Крымско-Американским колледжем** при содействии **Христианского научно-апологетического центра**, осуществляющего издание и распространение материалов по научной апологетике.

Крымско-Американский колледж (КрАК), ул. Московская 12, Симферополь, Крым) обеспечивает четырехгодичное образование по специальности переводчик английского и немецкого языков. Основной акцент делается на гуманитарные науки при соблюдении государственных программ и требований. *Колледж* соответствует второму уровню аккредитации и планирует в будущем достичь третьего уровня. Принимая во внимание значительность влияния, оказываемого на мир Библией и христианским учением, **КрАК** предоставляет студентам возможность как вводного, так и углубленного изучения раннехристианских документов (в том числе — общих с иудаизмом и исламом).

Крымско-Американский колледж сотрудничает с *Кентаки Крисчен Колледж (КСС)*, США. **КСС** направляет в **КрАК** профессоров для преподавания разговорного английского языка и христианских дисциплин, а также обеспечивает библиотечные фонды.

Дополнительные материалы и информацию можно получить:

- О Крымско-Американском колледже — ☎(0652) 22-54-01
- По апологетике — ☎(0652) 51-00-17, ✉golovin@creat.crimea.ua